

От автора

Описанные в книге события могут частично не совпадать с событиями реальной истории времен обороны плацдарма «Малая земля». Имена большинства бойцов и командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

При написании романа автор опирался на различные исторические и литературные источники, в том числе сборник документальных очерков и рассказов «Малая земля» Георгия Владимировича Соколова, прошедшего на плацдарме все семь долгих месяцев его обороны. В то время капитан Соколов командовал отдельной разведротой, высадившейся на Мысхако следом за десантниками майора Цезаря Куникова, был дважды ранен и контужен.

*Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа постоянным участникам форума «В Вихре Времени» (**forum.amabrov.ru**) Александру Оськину и Игорю Черепнову и читателям литературного портала «Author.Today» (**<https://author.today>**).*

Спасибо большое, друзья!

Пролог ПРОПАЖА

*Новороссийск,
наши дни*

— Тебя тоже Егорыч ни с того ни с сего вызвонил? — поприветствовав товарища, осведомился Лешка Семенов.

— Ну, да, иначе с чего б я в выходной сюда приперся, — пожал плечами Серега Ерасов, с сомнением оглядев запертую дверь штаба поискового отряда. — Не знаешь, что случилось?

— Без понятия, Серег. Торжественное захоронение давно прошло, на коп вроде бы не собираемся, разве кто из пацанов частным порядком на разведку рванет, лето же... короче, не в курсе. Еще и опаздывает.

— Командир не опаздывает, командир задерживается, причем исключительно по уважительной причине! — Внезапно раздавшийся за спинами поисковиков голос заставил обоих вздрогнуть. Несмотря на возраст, Виктор Егорович всегда подходил абсолютно бесшумно — сказывались два проведенных «за речкой» срока. А ведь вроде бы обычным сапером был... или все-таки не совсем обычным? Про это Егорыч никогда не рассказывал — как, впрочем, и про остальные свои афганские приключения. А если напрямую спрашивали — только отмалчивался или парой-другой фраз уводил разговор в сторону.

— Гадаете, зачем звал? — пожав ребятам руки, осведомился тот. — Есть причина, есть. Вот только поговорить об этом могу исключительно с вами, остальные, боюсь, просто не поймут. Не хмурьтесь, бойцы, сейчас все узнаете. — Командир отряда зазвенел ключами, отпирая дверь. — Ладно, потопали внутрь, там и прохладнее, и разговаривать сподручнее, и чаек-кофеек имеется.

Включив электрочайник, Виктор Егорович уселся напротив парней и надолго замолчал. Подобное поведение для основателя местного поискового движения было абсолютно несвойственно. Обычно дело обстояло как раз строго наоборот — Егорыч всегда буквально искрил активностью, непрерывно мотаясь из одного конца раскопа в другой, как бы далеко тот ни находился. И лопатой махал наравне со всеми, и с кистью мог, согнувшись в три погибели, над останками хоть час просидеть, слой за слоем расчищая эксгумационный стол. За что и получил (за глаза, понятно, поскольку назвать его так прилюдно никто из ребят бы не решился) у военных археологов кличку «наш живчик». Была и другая кликуха — «энерджайзер», но как-то не прижилась. Да и мало кто из молодых копателей помнил ту старую рекламу...

Вот только сейчас от былой активности отчего-то не осталось и следа, и это откровенно настораживало. Это что ж такого могло случиться, что командира так нахлобучило?!

Термопара сработала штатно, и чайник сухо щелкнул, сообщая, что вода закипела.

Виктор Егорович, словно очнувшись, поднялся с табурета и протопал к столу. Все так же молча за-

варил себе чай, лишь затем обернувшись к поисковикам:

— Кому что, бойцы? Чай, кофе?

— Может, поговорим сначала? — быстро переглянувшись с товарищем, спросил Алексей. — А то... ну, короче, ты какой-то сам не свой, а, Егорыч? Произшло что? Так расскажи, не зря же звал.

— Не зря, не зря... — задумчиво пробормотал тот, глядя на плавающий в кружке чайный пакетик. — Ладно, слушайте. Помните, с месяц тому сын моего боевого товарища к нам на Вахту приезжал? Старший лейтенант морской пехоты? Учения у них в тех местах планировались. Точнее, в районе Южной Озереевки.

Поисковики снова переглянулись:

— Шутишь, командир? Разве такое позабудешь?! Один перочинный нож из раскопа, второй такой же — из его кармана... волосы дыбом! А что такое, собственно?

— Вот именно, что нож... — пробормотал себе под нос Виктор Егорович, выбрасывая заварившийся пакетик в мусорное ведро. — Короче, такое дело, бойцы. Пропал Степка во время учений, и тела его так и не нашли. А через пару дней и нож, что вы на той позиции обнаружили, тоже исчез...

— В смысле исчез? — непонимающе захлопал глазами Ерасов. — Он же у вас был?

— В том-то все и дело, — пожал плечами командир отряда. — Я как про Степу узнал — мне батя его отзвонился, — зачем-то решил на находку вашу поглядеть. Будто изнутри что толкнуло. Вытащил, на стол положил. Буквально на минуту-другую отвлекся, хоть из комнаты никуда не выходил, а он

возьми да и исчезни, будто в воздухе растворился. Раз — и нету. На столешнице только крупинки глины остались, той, что между лезвий застряла. А самого ножичка — как не бывало. Испарился, понимаешь ли...

— И... что? — осторожно осведомился Семенов, ощутив, как шевельнулись короткостриженные волосы на голове и по телу короткой волной пробежал озноб. Ерасов, судя по ошалевшему взгляду, ощущал примерно то же самое.

— Что, спрашиваешь? — невесело хмыкнул Виктор Егорович. — Да чуть с ума в тот момент не сошел, вот что! Хорошо, закалка у меня еще советская, армейская, поскольку психов в саперы не брали и тем более «за речку» не отправляли. Оклемался потихоньку, а наутро вас вызвал. Вот такие дела, товарищи бойцы... Есть хоть какие-нибудь мысли, что все это означать может? Вы ж у меня люди продвинутые, книжки всякие читаете про этих, как их там называют? Попаданцев, что ли? Вот и напрягите мозги, помогите своему живчику хоть что-нибудь понять.

С усмешкой оглядев ошарашенных парней, Виктор Егорович хмыкнул:

— Тоже мне, секрет Полишинеля! Уж сколько лет про кликуху эту знаю, так что не парьгесь. Меня больше интересует, что по существу вопроса сказать можете?

И, с сомнением взглянув на чашку в своей руке, добавил:

— Кстати, коль чаю не желаете, у меня и чего покрепче найдется, как раз под наш будущий разговор...

Глава 1

САНБАТ

*Плацдарм «Малая земля»,
5 февраля 1943 года*

Влажно блестящий от морской воды БТР-80, вспенивая протекторами прибрежную волну, мягко выкатился на каменистый пляж. Под колесами шуршала, проседая под весом бронемашины, мелкая новороссийская галька. Со стуком опустился более не нужный водоотражательный щиток, крунулась по погону башня, нащупывая противника стволом крупнокалиберного пулемета. По броне тут же дробно сыпанули немецкие пули, оставляя в местах попаданий отчетливые отметины и с визгом уходя в рикошет. В ответ отрывисто рывкнул «КПВТ», и тяжелые пули буквально в клочья разнесли замеченную наводчиком пулеметную позицию, с одинаковой легкостью прошивая набитые песком мешки и разрывая на части тела расчета. Башня чуть довернулась, снова запрыгали по мокрой броне дымящиеся стреляные гильзы, брызнул фонтанами песка и земли бруствер — и еще одна фашистская огневая точка перестала существовать.

— Вперед, Санька! — заорал старлей, от волнения позабыв про подключенный к ТПУ шлемофон, и механик-водитель послушно увеличил скорость, рывком бросая бронетранспортер вперед и уходя из

пристрелянного сектора. — Вон туда давай! Иначе минами накроют!

Вовремя — то справа, то слева стали подниматься кусты минометных разрывов. По броне звонко забарабанили осколки и подброшенная взрывной волной галька. Несколько осколков пробили резину колес, но система автоматической подкачки пока справлялась, компенсируя давление, и бэтээр даже не сбросил скорости.

Преодолев неширокую полосу пляжа, «восьмидесятка» добралась до первой линии вражеской обороны. Грохотала, не жалея боеприпасов, башенная пулеметная установка, ревел всеми своими двумястами с лишним «лошадками» дизель, подвеска с легкостью скрадывала любые неровности. Снеся проволочные заграждения и перемахнув опоясывающую зону высадки советского десанта траншею, БТР крутнулся на месте, развернул башню и двинулся вдоль окопов, продолжая долбить из обоих пулеметов, и крупнокалиберного, и ПКТ. Широкие колеса подминали зазевавшихся гитлеровцев, впечатывая их в неподатливую землю легендарного плацдарма. Скрежетала по днищу зацепившаяся за левый буксирный крюк колючая проволока.

«Странно, почему мы одни, отчего остальные не высадились? Ведь следом вся десантно-штурмовая рота шла, лично видел, как они трюм покинули, — осмотревшись через командирский перископ, задался вопросом Алексеев. — Может, их бэтээр течением в сторону снесло, пока к берегу плыли? Кстати, и «Новороссийска» тоже не видать, а ведь должен артогнем прикрывать. Один залп бортовых

РСЗО — и нам бы вовсе не пришлось боеприпасы тратить, весь пляж на полметра вглубь в выжженную землю б превратили. Две пусковые по двадцать стволов — силища покуче местных «Катюш». Только нет ведь никого, вот какое дело. И бойцов в десантном отделении отчего-то тоже нет, только экипаж — он сам, мехвод Санька Никифоров да наводчик Коля Боровой. Что за чушь?!»

— Командир, танк! — вскрикнул Никифоров, бросая бэтээр в сторону, и старшего лейтенанта болезненно впечатало плечом в бронированный борт.

Сдавленно выругавшись, Степан взглянул в смотровой прибор, установленный в правом скуловом бронелисте. Танк, уже виденный им в этом времени, угловатый Pz-IV, в точности такой, какой он спалил двумя гранатами в последнем бою, неторопливо выползал из-за невысокого прибрежного холма. Плохо, реально плохо — против его брони их пулемет не играет, вообще никак. Окажись на его месте что-нибудь легкое, «двойка», там, или творение чешских танкостроителей, можно было все не париться: башенный «КПВТ» прошел бы его едва ли не навывлет. Или даже без «едва ли». Но тут им ничего не светит, от слова «совсем». Зато всего одно попадание башенного орудия — и амба, как морячки говорят. Разворотит, словно консервную банку, от лобовой брони и аж до самой кормы.

— Маневрируй, Сань! У тебя в скорости преимущество! Постарайся в борт зайти, порвем суке гусянку, у нас калибр как у противотанкового ружья!

— Понял, командир! — Мехвод крутанул штурвал, поворачивая бронемашину. — Счас сделаем...

БТР-80 — отличная машина, репутация которой подтверждена тридцатью с лишним годами боевой эксплуатации и десятками локальных войн и конфликтов по всей планете. Закономерный и успешный финал развития всей линейки советских плавающих четырехосных бронетранспортеров шестидесятых-восемидесятых годов. Неприхотливая и феноменально надежная, особенно когда ею управляет грамотный механик-водитель. Вот только даже самый грамотный мехвод уже ничего не сумеет изменить, если все четыре колеса одновременно проваливаются в немецкую траншею, и четырнадцатитонный бэтээр намертво садится брюхом на бруствер...

Когда бронемашина внезапно завалилась на правый борт, Степан как-то сразу и окончательно осознал, что это конец. Сколько фрицевским танкистам нужно времени, чтобы развернуть башню, навести пушку и выстрелить? Тридцать секунд, меньше? Оставалось только одно — успеть спасти бойцов.

— Экипаж, покинуть машину! Через левую дверь! Быстро! — Ухватив замешкавшегося наводчика за плечо, Алексеев стащил его с сиденья, пихнув в направлении бортового люка. Лязгнув, распахнулись бронированные створки, ощутимо пахнуло сгоревшим порохом, отработанной соляжкой и морем. Море солено пахло водорослями и йодом.

— Уходите налево вдоль побережья, ищите, где наши высадились! Санька, чего тормозишь? Или тебя приказ не касается? Живо наружу, автомат только прихвати! Я догоню.

Вытолкав Никифорова, Степан на миг замер, справляясь с внезапно накотившим ощущением

дежавю: ведь все это уже было совсем недавно, разве нет? Он отдавал приказ немедленно покинуть машину, торопил мехвода, напоминая тому про личное оружие. Вот только о том, что произошло дальше, вспомнить он, как ни старался, не мог. Да и какая на фиг разница?! Только драгоценное время теряет, которого и без того почти не осталось...

Заняв место наводчика, Алексеев приник к перископическому прицелу, коснулся рукояток горизонтальной наводки. Особым спецом стрельбы из «БПУ» он, разумеется, не был, но как именно навести башенную пулеметную установку на цель и открыть огонь, знал, поскольку учили. Мощная оптика рывком придвинула вражеский танк — теперь можно было разглядеть даже самые мельчайшие детали. Угловатая башня медленно поворачивалась, нащупывая цель. Эх, сейчас бы долбануть бронебойно-трассирующими по гусеницам да очередью патронов в двадцать — разнес бы вдрызг! Глядишь, и бортовую броню бы пробил, кто его знает, какая там толщина? Жгли же наши фашистские панцеры из противотанковых ружей, и хорошо жгли. Вот только не выйдет, увы... Поскольку не видит он ходовой, только башня над землей торчит. Что ж, значит, так тому и быть — будет стрелять по башне. Сумеет разбить смотровые приборы и прицел наводчика — отлично. А уж если повредит пушку, а то и вовсе внутрь канала ствола пару пуль загонит — так и совсем замечательно! Боеприпасов можно не жалеть, перед тем как они застряли, Коля как раз сменил отстрелянную ленту на новую. Вот только... знать бы еще, где именно этот самый прицел наводчика находится?

Совместив прицельную марку с маской танковой пушки, старший лейтенант открыл огонь. «КПВТ» отозвался гулким «ту-ду-ду-ду», заставив корпус бронетранспортера мелко задрожать. Броня «четверки» расцвела короткими вспышками попаданий и рикошетов, и Степан, не прекращая стрельбы, чуть сместил прицел, стараясь попасть по орудийному стволу. Всего одна попавшая в нужное место пуля; всего одна-единственная — и он победил...

В памяти внезапно всплыли воспоминания: один из афганских сослуживцев бати как-то рассказывал, что они любили забивать в ленту патроны МДЗ, причем не один на десяток, а куда чаще. Изначально предназначенные для борьбы с низколетащими воздушными и небронированными наземными целями, 14,5-мм зажигательные пули мгновенного действия отлично работали против глинобитных дувалов и стен из саманного кирпича, при попадании разнося их буквально в пыль. Он же упоминал, что при попадании по танковой броне последняя, понятно, не пробивалась — стального сердечника-то нет, — но подрыв начиненной иницирующей взрывчаткой пули на внешней поверхности порой выбивал с внутренней стороны множество мелких осколков. Смертельно поразить экипаж они не могли, но вот доставить кучу неудобств, а то и лишить зрения — вполне. Причем, если он правильно запомнил, речь шла о танке Т-55, в сравнении с которым никакой фашистский панцер и вовсе не катит. Вот только есть ли в ленте патроны МДЗ, старлей не знал...

Башня немецкого танка замерла, уставившись на бэтээр зловещим черным зрачком семидесятипятимиллиметровой пушки.